

An abstract painting featuring a golden-yellow background with vertical brushstrokes. Several blue and white flowers, possibly irises, are scattered across the composition. The style is expressive and textured.

Ирина КОСТЕВИЧ

Предатели

12+

Ирина Костевич

Предатели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385591

SelfPub; 2020

Аннотация

Что делать человеку, если предстоит покинуть те места, где он родился и провёл всю свою жизнь? Однако родители пятнадцатилетней Татьяны твёрдо намерены переехать в Россию. Мечтают, что там будет хорошо... Но перед тем, как навсегда уехать из своей страны, Татьяна попадает в маленький казахстанский посёлок. И то, что с ней происходит, ломает её представления о родине, месте человека в мире, об отношении к близким. Предательство – корень всех зол. Но противоядие есть. В 2013 году повесть "Предатели" вошла в "Короткий список" Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков "Книгуру". Автор повести – член Союза российских писателей.

Глава 1

– Так ты в Россию уезжаешь?

– Ну. А чего, нельзя?

– Там же все пьют! – тарашит глазки Ленка-одноклассница.

– Я не пью.

Она, убежденно:

– Тебя заставят!

Конечно, не все в нашем 9 «а» столь подвержены «идеологической пропаганде». Насчет «пропаганды» – это маминно выражение, не мое. Мама как раз в пропагандистском отделе и работает. Сидит дома и пишет статьи на заказ. В частности, о том, как у нас в Казахстане жить хорошо. И, пока она их пишет и получает солидные гонорары, жить нам здесь и впрямь неплохо. Только всё же мы решили уехать. И причин тому много. Например, хотя бы та, что маму уже тошнит от этой работы.

Сегодня я опять ему ничего не сказала. Подруги ждут пять месяцев. Пять! Честно делала три попытки. Начать решилась в М-Агенте с мобильного. Спать пора, я, как всегда, с головой под одеялом, пишу:

«Слышь? Спросить хочу – очень важное...»

«Важное? О!!!»

«Да. Но... только не пойми меня превратно...»

«О... Что же ты хочешь узнать, дорогая?» (Так и пишет мне – «дорогая».)

«А ты действительно готов это услышать?»

«Ну, говори же скорее!»

«Не знаю, как и начать...»

«Говори, я все пойму!»

«Обещаешь?»

«Да!!!»

«Ну ладно. Эта... слышь... А у тебя тонкая проволока есть? Мне для бегемотов надо очень».

Ну, и кто я после этого? Считай, повезло, что меня вообще не послали куда подальше. Хуже всего, что во второй раз было почти то же. А позавчера, когда он все-таки позвонил, и мы поехали посмотреть новый репзал, а обратно, как крутые, ехали в такси, то было уже темно, мелькали фонари – ну все прямо как в кино! По радио передавали романтические ретро-песни, а нахальный диджей ничего лучше не придумал, как посоветовать – самое, мол, время для признаний в любви... Но только какое признание, – чисто технически? Ведь сел этот придурок рядом с водителем, а меня усадил сзади.

Приехали, вышли, прощаемся, я опять за свое – вот, давно хочу сказать... мне нравится один человек, и вот я хотела тебя спросить... И тут – такая пауза лирическая, он меня обнимает на прощанье, а я из последних сил, но все-таки успеваю прикусить язык и не брякаю: «Так вот, хотела узнать: как думаешь, если ресницы обстричь наголо, они отрастут когда-нибудь?» Сдержалась! Промолчала!

Но и он не стал дожидаться моего вопроса. Проявил незаинтересованность. Обнял, попрощался и быстренько уска-

кал. Наверное, обо всем догадался и, надеюсь, смутился. Вот такая я дура.

Хуже нет – признаваться друзьям в любви.

Он меня сам в группу позвал, когда место бас-гитариста освободилось. Стали репетировать, общаться. Оказалось, живем рядом.

Гуляем, я ему говорю, что у него шея классная, а он мне отвечает, что голова у меня идеальной формы. А сколько в свое время он мне намеков кидал! А я всё как попугай: «Ну почему, почему Антон меня бросил!» Он меня утешал, обзывал Антона уродцем. А еще мы ходили к школе очередную Лёшину подружку встречать. То есть туда шли вместе, а обратно он уже с этой своей Аней шел, а я сама добиралась. Та его подружка была почему-то похожа на сантехника. И вкусы у человека! Но тогда мне было все равно.

А этим летом я надолго уезжала. Мы с семьей впервые в Россию ездили, искали, куда бы нам переехать жить. И я очень-очень соскучилась. И в Анапе всё о нем думала, и в Москве вспоминала. А сколько в Москве красавчиков! За всю жизнь столько не встречала, сколько там за неделю! Ну вот. Вернулась домой и поняла – влюбилась я в Лёшу.

Глава 2

Позвала в кино Светку... Вот с кем можно поговорить о Лёше. Мы не подружки, не одноклассницы, не соседки. Все дело в наших мамах. Наши мамы – приятельницы. Вот и мы туда же. Вроде как двоюродные сестры, что ли.

Сходили в кино насыщено. Пока сеанс не начался, поиздевались над одним мальчиком, похожим на лису. Он крутился-крутился возле нас, мы от делать нечего стали изображать, что он нам нравится. Киношка кончилась, выходим, смотрим – знакомая фигура приближается. И на нас лисьи глазки смотрят... О, сейчас с нами будут знакомиться! И тут Светка делает так: вскидывает руку, тычет пальцем прямо в этого злосчастного и начинает припадочно вопить: «Вот она, вот она – рыба моей мечты!» Робкого мальчика-лису как ветром сдувает. Да, это наша Света: жирный мерзкий тролль сто пятого уровня.

Бредем по парку.

– За что ты его так? Он теперь во сне кричать будет...

– Мои разводятся.

– Зачем? Они все равно старые, какая им разница?

– Отец нас не хочет отдавать вообще, но мама Вонючку желает отсудить. (Вонючка – это братец Светки, вообще-то он Ванечка, и ему пять.)

– А ты?

– А я, как теперь выяснилось, ей не нужна... Ей нужен только ее подхалим-сосунок.

Молчу. Вот так. Взрослые азартно сходят с ума, а страдают от этого совсем другие. Например, Ванечка, Светка или даже неизвестный мальчик-лиса – рикошетом.

Светка жесткий человек. В идеалы мамы-библиотекаря она не верит. Ей нравятся возможности, которые дают деньги. Деньги зарабатывает папа. Мама-библиотекарь на досуге моет полы в офисе папы-бизнесмена за пятьдесят долларов в месяц. Но вот к разным теплым морям они ездят вместе – причем, за папин счет. И Светка, упирая на то, какой у нее папа щедрый, утверждает, что с мамы потом даже ничего не высчитывается.

Меня от всех этих материальных подробностей подташ-нивает, но у Светки в голове так. И не иначе. Мама говорит,

что Светка – «силовик». Силовой тип личности. Не знаю уж, что за классификация такая. Но Светка делает то, чего бы я никогда делать не стала. Поэтому рядом с ней интересно. Хотя бывает и стыдно, вот как сегодня. Мы редко встречаемся. Я незнакома с её подругами, она – с моими. Зато мы хорошо изучили характеры друг друга.

И вот, зная Светкин характер, на что я надеялась? Что она мои охи-вздохи на скамейке слушать станет? Понятно, что посоветует: «Иди да и признайся. Что будет, то и будет. В крайнем случае, поплачешь и ещё в кого-нибудь влюбишься. Время терять – тебе надо?»

Слово в слово Светка мне все это и выдала... Добавив, что у нас в городе – под два миллиона народу, из них нормальных штук пятьсот наберется – выберу, мол, себе по-любому. Еще и обфыркала презрительно мою проблему.

Глава 3

Не успела попрощаться со Светочкой – прихожу домой, а у нас в гостях её мама. Тётя Ира, воздушное создание... «Танечка, уси-пуси, моя хорошая!»

И Танечку быстренько из кухни выперли, дверь прикрыли. Ну и ладно – слух-то у Танечки есть!

Та-ак, о чем это они там? Ну, это скучно, и это – тоже. Главное – не пропустить, почему тетя Ира со Светкой жить не хочет? А это ещё что за мелкие насекомые?

– Подслушиваешь, да?! – братец мой дома оказался.

– Ну, и...? И ты подслушиваешь. Тебе-то чего? Иди лучше руки вымой, стоять рядом противно.

Однако времена, когда этим можно было сразить братца наповал, прошли. Он даже не обиделся, бросив философский взгляд на свои вечно грязные (ну невозможно же!) ногти.

– А ты знаешь, что мама собралась нас в какой-то поселок везти?

– Кого это «нас»?

– Iandtu...

Боже, он еще пытается говорить по-английски!

– А папа?

– Да они опять поругались. И мама сказала, что крепостное право отменено, она – взрослый человек и может передвигаться по Земному шару без спроса.

– Ох как надоело. Скорее б в Питер.

– Таня, ты дура.

– Иди, помойся.

И мы слушаем маму опять:

– В общем, в июне едем с детьми. Вот как так? До Амстердама, и то от нас добраться легче, чем до маленького населенного пункта у себя же в республике!

– А Паша?

– Пусть только попробует, не пустит!

Светина мама пытается быть мудрой:

– Соньк, да зачем тебе это? Лучше все вместе съездите. А то б и отказалась совсем. Тем более переезжать летом собрались. Вас впереди такое ждет: недвижку продавать-покупать, контейнер отправлять, опять же. Гражданство россий-

ское делать – это вообще страшно даже представить... А ты тут со своим поселком носишься. На какие средства? Ты извини, но это называется «с жиру беситься». Мне б такую жизнь...

А я даже Светланку не могу оставить себе – думаешь, легко? Но ей нужно нормальное будущее. А что я дам? Она же принцесса, носит все брендовое, что попало не ест. Школа. Курсы. Теннис. А впереди еще Англия, понимаешь? Она и сейчас меня уже презирает, а дальше как?

– Ох и козел этот твой...

– Не смей оскорблять... ни в чем не повинное животное!

Потом мама говорит, оправдываясь:

– Но я все-таки в поселок детей свожу. Ведь уезжаем насовсем, понимаешь? Навсегда и насовсем, далеко-далеко. Больше я в те места при всём желании не попаду. А хочется. Там же детство прошло – лучшая часть жизни. Да и Пашку позову, конечно. Куда мы без него? Я через него в этом городе хоть как-то, да прижилась.

И мама, и тётя Ира – приезжие. Может, потому и дружат, прилепились друг к другу, познакомившись на каких-то кур-

сах. Как гордо говорит мама, «наша с Ириной ментальность весьма отличается от менталитета местного населения...» Ну а если перевести на язык человеческий, то получится так: «Да – мы искренние, доверчивые и нехитрые русские женщины». Добавлю, что ещё и романтичные до остервенения.

Хотя папа и загоняет меня спать, чуть стемнеет, это не значит, что я так прямо и сплю, ага. Мой вечер продолжается до часа ночи. Мобильный со мной! Выхожу в «М-Агент», пишу Виктору. Это мой братюня, – в одной группе в прошлом году играли, – и я, и он, и Лёша. Виктор добрый. А ещё – очень похож на плюшевого паучка моего братца – маленький, смешной, с густой короткой э-э... шерсткой на голове. Мы с одной параллели. Его знает и любит вся школа. И знаете за что? В прошлом году он расплыл газовый баллончик в рекреации. Все чихали, кашляли, некоторых аллергиков отправили в больницу. А бедный Виктор, когда его поймали, даже сказать ничего не мог, потому что накануне сделал прокол языка. Язык распух и не давал говорить. Виктор на неделю исключили из школы. Когда он вернулся, все его вдруг горячо полюбили. Это очень странно, но это так.

Пришлось всё Виктору рассказать. Спрашиваю, что теперь делать, если наш товарищ такой непонятливый уродил-

ся.

«Непонятливый и непонятный...» – пишет Виктор.

«Но что делать и как же мои чувства?»

«Чувства. Я понимаю... Это прекрасно и печально...»

О, а Виктор-то глубже и тоньше, чем кажется. Такие вещи пишет. Надо с ним чаще общаться.

Глава 4

В общем, утешил он меня, я и уснула. А зря. Приснился кошмар.

Будто мы уже в России. Снится новая школа, и там всем приезжим из Казахстана вместо русского языка преподают казахский.

– Вы не можете знать русский язык! – кричит на нас с братом и с Виктором какая-то бордовая огромная жаба, скользкая и в бородавках. – Вы не жили в России!

Вон! Вон! Вон!

Это «вон!» сливается с «бом-м!» колокола, непонятно откуда отбивающего свои удары, и мы боимся, и не знаем, куда нам теперь. А вокруг кричат: «Казахский язык! Казахский язык!», а нас всех троих тычут носами в дверь с табличкой «класс коррекции» (не знаю, что это), и вдруг Виктор высовывает и показывает всем свой собственный язык: синий, огромный и распухший, с металлической бусинкой посередине...

Уф-ф... Не часто приходится радоваться звонку будильника, а тут – счастье, что проснулась.

Да, я хожу в эту школу последний год. Летом мы действительно переезжаем. И это взаправду, а не во сне, будет Россия. Почти Россия. Калининград.

Это здесь я учусь в филологическом классе многопрофильной гимназии, и участвую в олимпиадах по русскому языку. И выручаю команду, зная ответ на вопрос «множественное число слова «дно». А что будет там? И зачем тогда мне все эти огорчения с казахским языком? А еще – с огромными художественными текстами по казахской литературе, которые и прочесть-то невозможно, не то, что обсуждать. Есть также среди изучаемых дисциплин история Казахстана, где в учебниках «пособники царизма» так притесняли

коренных жителей – хоть плачь... А «пособники царизма», если что – это мои предки по папиной линии. Они здесь с позапрошлого века живут. И лично они никого не притесняли!

У нас в классе есть начитанный мальчик Мераби, так он все время спорит. Иногда мы специально просим, чтобы он завел с историчкой дискуссию. Милое дело – послушать, как они из пустого в порожнее льют-переливают.

Например, учительница монотонным голосом вещает: «Наш Казахстан гордится дружбой между народами, населяющими республику. Все мы, независимо от национальности, являемся казахстанцами. Казахи славятся своим гостеприимством, и это ценят представители всех этносов, проживающих на древней земле Казахстана».

Ну гостеприимство и гостеприимство, – очень хорошо, эти лозунги у нас на каждом столбе висят...

А Мераби уже тянет руку

– А почему, если мы – казахстанцы независимо от национальности, все время подчеркивается, что все, кроме казахов, здесь гости?

– Почему подчеркивается?

– Ну, сами же говорите: «Казахи славятся своим гостеприимством». Выходит, мы тут не такие же хозяева, а так, временно?..

Учительница молодая и неопытная. Она бледнеет, судорожно ищет ручку с красной пастой, цапает дневник Мераби и ставит «двойку». Рядом крупно пишет: «За национализм!»

– Придешь с родителями!

Потом вскакивает со своего места Мадинка:

– А вы думаете, что казахам здесь рай? Это если родственники у власти или там богатые – это да, все в шоколаде. А если нет таких – вот как у нас? У нас вся родня – по аулам, и все норовят сюда к нам «в гости». С этим «гостеприимством» учиться и работать некогда: только и ездим, ищем по базарам продукты подешевле, готовим с ночи до утра! Да мне иногда спать негде, кроме как в коридоре на корпешке. И ты тут еще, Мераби, со своей критикой! Не разбираешься ни фига...

Потом в школе появляется дедушка Мераби, похожий на горского князя из произведений Лермонтова.

– Уважаемая, что надо делать моему внуку, чтобы получить «за национализм» оценку «отлично» по Вашему предмету? – интересуется он у исторички.

Конструктивного разговора у них не получается...

Мама говорит, что мне надо очень хорошо учить русский язык, чтобы в России ко мне не относились предвзято. Избегать сленга (а я не могу, со сленгом разговор информативнее раза в четыре!) Повезло еще, что русский и литература – мои любимые предметы.

А на олимпиадах по русскому и литературе мне внушают, будто я отстаиваю честь школы. Что является величайшим заблуждением. «Честь школы отстаивать...» – да в страшном сне такого не приснится! Переполненной в два раза школы, где всем на тебя наплевать и где даже не учат толком, а лишь бесконечно готовят к ЕНТ – в России это называется ЕГЭ.

Нет, на самом деле я тихо борюсь за своё будущее. И потом, даже здесь хочется, чтобы наконец учителя поняли, что «и эта девочка, кажется Таня» что-то может. А «честь школы» – вот еще, гадость какая... А, чуть не забыла сказать, если кто не в курсе: множественное число слова «дно» – «до-

НЬЯ».

Я не только русский люблю. Английский учу, даже рассказы на нем пишу. И вообще, меня знают многие крутые мажоры в городе. Если скучно, никогда не сижу и не жду того, кто меня развлечет. Ищу через Интернет кого-то интересного в нашем городе – остались еще такие. Знакомлюсь, встречаюсь – иногда с очень необычными людьми, у которых неплохие идеи и богатый внутренний мир.

Зеркала обожаю – но ненавижу свои тонкие губы. Остальное очень неплохо. Хотя Антон, мой первый парень, и называл меня «крольчонком». Да все оттого, что сам он странный. Какой же «крольчонок», когда друзья говорят, что я аристократична? О, этот высокий лоб, немного печальный взгляд серых глаз и пышные русые волосы!

А ещё я ношу в школу нож, чтобы пугать придурка Данила. Он постоянно лезет к нам, обзывает мою подругу Марьям хромой обезьяной. У Марьям плохо работают левая рука и нога, она сильно хромает, и её пальцы навечно сжаты в кулак. И этот подлец... Вот зачем мне нужен нож для бумаги. Вид ножа действует на дауна благотворно.

Также я довольно часто шью друзьям и тем, кто попросит, разноцветных тряпичных бегемотиков. В этом я виртуоз!

Глава 5

Вечером собираюсь с силами и делаю попытку номер четыре... «Я должна позвонить, я должна позвонить...» Пикает эсэмэска. Это Марьям: «Ты должна ему позвонить J» Ладно, Марьям, сейчас позвоню, только «ВКонтакте» проверю, что пишут...

Виктор написал: «прив. Нучё? Подробности есть?»

Светка – ничего, конечно.

Ну всё! Звоню, звоню! Вдыхаю десять раз – мама так учила, чтоб адреналин... Все равно не могу... считаю до ста. Досчитала слишком быстро. Хорошо, что там в окне? Если сегодня фонарь у магазина напротив не горит – не звоню. Фонарь горит. Ну всё, я звоню-у-у! Звоню. Сейчас.

– Куда опять дели трубку! – орет папа...

– А что, в этом доме телефон принадлежит только Вашему Величеству? – взвивается, будто в засаде пять часов ждала, мама.

Они опять ругаются и кричат друг на друга. Братец снова

убегает в дальнюю комнату, и зажав уши, матерится про себя – я знаю, признался как-то. А я... Теперь уж точно не позволю. Да зачем мне вообще все это? Скорее бы уехать от них в Питер. Буду там жить одна. И никаких скандалов – разве что лёгкие внутренние разногласия.

Через десять минут родители затихнут, через полчаса помирятся. Такая форма любви. Да, Питер и одиночество – это то, что мне надо.

Так что лучше поболтаю со Светкой – папа до телефона теперь не скоро доберется. «Как бы моя сестра»... Вот уж кому глубоко наплевать на мои чувства. Да у неё вообще из чувств самое яркое, как я заметила, – чувство голода. И всё.

Светка, конечно, скороговоркой киданула всегдашнее «какдела?» Но это у неё вместе с «приветом» вылетает на автомате. Отвечать необязательно.

Дальше начинает о себе. Пой, Светик, не стыдись... Чем дольше ты говоришь, тем меньше у меня шансов первой признаться в любви парню.

Наконец появляется папа. Жестом показывает, что хватит мне болтать. Спасибо, папочка! Ну, раз пора спать, значит – пора проверить, что там «ВКонтакте». Вот собака ехидная!

Это я про Марьям: цитату кинула...

«Сказать «люблю» сложно.

Сказать «прости!» еще сложнее.

Сказать «Канагат тандырылмаган дыктарыңыздан» – вообще капец!»

Ой, мамочки, я ж казахский не сделала! Ладно, завтра спишу у Алены.

А с утра мне повезло, живот у меня болит! До свидания, школа, до свидания!

Папа, пожалев, разрешил остаться дома, а сам уехал собирать очередные бумажки к переезду. Мама, конечно, ещё спит. Но сегодня я не дам ей дрыхнуть до полудня! А нечего торчать за компом все ночи напролет. Надо рассказать маме важное. Устраиваюсь поудобнее у нее на одеяле...

– Мам, мам!

Тут появляется братец, учится он во вторую смену, и –

туда же – норовит с другой стороны.

– Пошёл прочь!

Мама продирает глаза:

– Таня, ну как ты можешь? Это же ребенок!

– Это не жеребенок, а целый баран! Пошел прочь, не видишь – я разговариваю!

Но мама не дала изгнать свернувшегося от смеха в комок братца, так что говорить пришлось при нем.

О том, чего не сделала, рассказываю я.

Потом говорит мама:

– Понимаешь, область чувств – это все так... хрупко и болезненно. Всегда! И у взрослых – тоже. Думаешь, только вы, подростки, маетесь, как да что сказать? А я вот недавно читаю на одном форуме: там админ, ну совершенно вменяемый хладнокровный дядька за сорок, – и вдруг наивно так советуется с читателями: а что делать, если женщина нравится, и отношения дружеские, но он чувствует, что может быть любовь? Но если поцеловать, то вдруг эта женщина обидится,

или на смех поднимет, или, что хуже всего, подумает, что он к ней пристаёт, и дружить перестанет... И что же ему теперь делать?

А у человека – брак за плечами, дочка взрослая...

Кстати, ответы ему пришли – не лучше вопроса... Совершенно беспомощное бляение и бормотание. Никто не знает, а как тут действительно быть! Это же не техникой соблазнения делиться. Здесь – чувства...

– Не пора ли тебе чайничек поставить? – спохватывается мама, выпроваживая братика.

Глава 6

Дома хорошо. Оказывается, когда знаешь, что с чем-то придется скоро расстаться, это «что-то» становится славным до слез!

У нас очень красивые деревянные полы янтарного цвета, высокие потолки и много окон.

На кухне стоит старинный буфет. Эта мебелина «с историей». Мы буфет купили у знакомого, а тому он достался по наследству. Сразу после кончины первой хозяйки буфета в

нем сами собой стали открываться и захлопываться тяжелые дверцы – так рассказывали очевидцы. Вот такую страшную штуку притащил папа в дом. Потом мама как-то договорилась с буфетом, и он перестал нас пугать.

Двухэтажка, в которой мы живем, построена давным-давно. Гости восхищаются царящей вокруг тишиной: домик в деревне! А мы не в деревне, а в центре небольшого города. На чердаке дома живет кошка, время от времени она рождает котят. Потом, когда подрастают, учит их спускаться по дереву с крыши на землю.

Вокруг, в таких же домах – наши с братцем друзья, и часть из них скоро тоже уедет. Первым отчалил Тима. Вернее, переехал. Но все равно этот шкет с внешностью интеллигентного японца таскается в гости каждую неделю. Семья Вероники «на чемоданах» уже много лет. Иногда Вероника устраивает прощальный вечер или просит пораньше сделать ей подарки на день рождения, так как в июне (когда у нее торжественная дата) она уж точно уедет. Вероника не хитрит, но... так здесь и выросла.

Наверное, может показаться, что мы живем немного странно. Например, не заводим домашних животных и уже несколько лет не покупаем хрупкие и объемные предметы домашнего быта. И не потому, что денег нет.

Вот, допустим, влюбляется мама в какой-нибудь очередной сервиз «с цветочками, бабочками и еще там по-французски...», начинает ныть папе: «Ну, давай ку-упим...», а папа в ответ: «А везти как? Перебьется все в контейнере!» Мама прощально смотрит на понравившуюся посуду. Вздыхает, представляя её в виде груды живописных черепков после транспортировки...

По той же причине у нас в квартире – старая техника, так себе мебель. «Все купим там! – обещает папа. – Запомните, дети: мы едем за вашим будущим!» «И своим настоящим», – добавляет мама. Здесь родителям не нравится, они говорят, что с каждым годом жить становится всё скучнее. Тем более что они помнят, как весело было раньше. Кому-то, может, и по душе такая тишина, но не маме с папой.

Братец, впервые побывав «на исторической родине» этим летом, сидя на вокзале в приграничном городе уже с нашей стороны, словил откровение: «Я заметил, что в России и у нас люди ходят по-разному... Там, мне показалось, люди всегда идут куда-то, зачем-то, по прямой. А здесь, Тань, смотри, как идет человек! Вот он идет-идет себе неторопливо и спокойно, но потом вдруг плавно и непонятно зачем сворачивает в сторону... Как бы такое мягкое хаотичное движение».

– Когда ты только от этих «как бы» отучишься!

Да, я все забываю сказать: братца моего зовут Борис, или Мастер Бо – так окрестили его собратья по тэхе. Тэха – это таэквондо, если кто не знает... Борьке одиннадцать.

И он меньше всех в нашей семье мечтает переехать куда бы то ни было. Его и здесь все устраивает. Но вообще, как мне кажется, этот типчик с миловидной мордахой везде приживется.

Кто как видит свое будущее, а братец – по-своему.

Однажды поделился:

– Когда вырасту, знаешь, кем хочу стать?

– Ну и?

– Корейцем!

Корейцы для него – символ мужества, ума, мастерства... Чего угодно со знаком «плюс».

Неудивительно, что и на Калининград он согласился толь-

ко после того, как доподлинно узнал: корейцы там – есть!

А со своей настоящей родины он захотел увезти умение готовить блюда восточной кухни.

– Можешь не торопиться, тебя и там будет, кому научиться! – хмыкает мама.

– А почему тетя Ира с мужем разводятся?

– Света сказала, да? Может, не разведутся.

– А вы тоже собирались, я помню!

– Не болтай, ты что?! Мы вместе. Хватит того, что мои родители развелись. Тогда-то мир и рухнул. Взрослые предадут своих детей, правители – граждан... Разрушаются семьи, разваливаются страны. И вокруг все делают вид, что так и надо. А к чему такое приводит, понимаешь лишь спустя годы – по результатам собственного существования. Тебе я жизни с отчимом не желаю. И Борьке тоже.

– А чего это вы там «про Борьку» сплетничаете? – лезет из-за двери братец.

– Тебя звали?

– Вставайте, животные, завтрак готов.

Забыла о главном про братца: Борька омлет готовит на уровне французских шеф-поваров.

И сегодня на завтрак – омлет! Сочный, душистый, с зеленью сельдерея!

– Вот и пройдет мой живот.

– Что за «пройдет», Таня? Рассосется, что ли?! «Перестанет болеть» надо говорить! Ты же в России будешь жить, следи за правильностью своей речи! – мое лингвистичное мамо не дремлет.

Глава 7

Половина третьей четверти позади, и по опыту знаю: сейчас недели помчатся, как на американских горках.

Борька где-то вычитал, что депрессия бывает нескольких видов. И один из них – это когда дни так быстро летят, что, разбирая постель на ночь, тупо удивляешься: я же её только

что заправляла!

Депрессняк понятно от чего: меня не любят! Вот у всех моих подружек парни есть, а меня все только «уважают». «Я так тебя уважаю, ты изменила моё мировоззрение. Но у меня есть девушка». Позорная история. Хорошо хоть, сама признаться не успела, так что в ответ на эту речь только сделала круглые и «непонимающие» глаза и притворилась, что кругом опаздываю. Вот и все. Позор на всю оставшуюся жизнь. Это удача, что уезжаем скоро, а то я лишний раз боюсь по коридорам в школе ходить. В столовку школьную сначала Марьям запускаю, она сигнализирует: «чисто», тогда иду... И сижу там, как на иголках: а вдруг он зайдет. Ну почему все так?!!

Выяснила, с кем Лёша встречается. Ну да, конечно, очередное «никто» с танцевальным уклоном. Ну почему всякие дуры, у которых в маленьком мозгу умещается только расписание танцевальных занятий, еще и перебирают парней из очереди, которая к ним тянется? А я – талант и аристократка, существо с богатым внутренним миром, хожу как левая... И мой статус «В активном поиске» на самом деле не что иное, как признание: «Кто как, а я – опять в пролёте...»

Мама говорит, что нечего завидовать «ванилькам». Я не завидую! Чему там завидовать? Может, еще танцами начать

заниматься? Но так низко я никогда не паду, не дождетесь! Пойду-ка «Бойцовский клуб» перечитывать. Вдохновляет...

Мама утешает, говорит, что у меня формат другой, и вся эта любовь-морковь в пятнадцать – не для меня. А когда? Может, в сто? Или вообще не для меня, чего уж там... Буду уважаемым лучшим другом, «сестрой» – ВСЕГДА. Ну а если папа проведает про мои терзания, я знаю, что он скажет: «Тебе ещё рано!!! Думай об учебе!!! Пять троек за четверть!!!»

И в чём же дело? Что не в танцах – абсолютно точно. Марьям не мешают крутить романы с парнями её нога и рука. У неё поклонников и в Инете мильон, и так она уже встречалась с двумя.

Моя лучшая подруга и не думает комплексовать из-за того, что она не совсем такая, как все. Поэтому и другие очень быстро привыкают к её виду. Тем более Марьям очень-очень хорошенькая. Если Мари и может из-за чего-то расстроиться, так исключительно из-за «морального момента». То есть: или кто-то там о ней забыл, кто-то на письмо не ответил – и тому подобное.

А я вот не знаю, кто мне ответил, кто не ответил. На сайт «ВКонтакте» уже пять дней не заходила. Да ладно, укусят

меня, что ли?

Не укусили. Но и писем важных нет. Светик вот привязалась, и сдалась я ей? Наверное, всех знакомых распугала, теперь за меня взялась – я ж терпеливая.

Светка звала на фитнес. У неё, видите ли, клубная карта, и там «горят» гостевые посещения. А момент «соглашайся, а то все равно пропадут» отнесем к издержкам воспитания приглашающей стороны.

Р-раз! Р-раз! Раз-два-три... Пот льется градом, время застыло, кажется. И за эту каторгу надо еще платить такие деньги?

Наконец пытка позади. Мы уходим. Йес!!!

Светка предлагает пройти пару остановок пешком. Начиная понимать, зачем я ей понадобилась. Уши мои нужны, вот что...

Никогда не слышала, чтобы так костерили мать родную.

– И пусть она знает, как я её... «люблю»! Хитрая, наглая

приживалка! – Света орёт так самозабвенно, что от нас люди шарахаются.

– Да она от тебя отказывается ради твоего же будущего. Я сама слышала – тетя Ира маме моей говорила!

– Я сама разберусь со своим будущим, не ей его лапать!

Надо, что ли, комментировать? Да тут этого и не ждут.

Кажется, некоторые слова – совсем не Светкины. Бедняга тетя Ира. Родила себе монстрика.

Глава 8

До нашего переезда в Россию осталось три месяца. До сдачи выпускных тестов – два с половиной. Разрабатываю свой метод поиска правильных ответов – есть там какая-то своя, пусть и трудноуловимая, логика... Учить? Не знаю... Нереально.

Весна у нас здесь ранняя, урюк уже зацвел. А в соседней Киргизии началась революция. И это совсем рядом, сразу за горами. Если напрямую, километров тридцать. Горы лишают нас ветра и защищают от революций. А ещё кто-то говорил,

что слухов ходит больше, чем правды, – как всегда.

Из-за политики в Светкиной семье крупные неприятности. Оказывается, папа-бизнесмен в основном работал с киргизской стороной, и тех то ли ограбили, то ли это... слово такое, еще по истории проходили... ну, в общем, отобрали в пользу государства. В итоге – поставки не выполнены, долги перед другими партнерами надо погашать, кредит не дают. В одночасье Светкин папа стал не богаче тети Иры. Даже машины свои продал.

Светка молчит. Это я от мамы новости узнаю. А сама позвонить боюсь – будто умер у них кто. Чувствуешь себя виноватой, хотя ни при чём, революцию не развязывал.

Помимо революций по соседству, еще у нас бывают землетрясения, сели, оползни и ураганы... Но, несмотря на это, в городе все равно тихо и скучно. «Вторично», как выражается папа. Сам воздух стоит – и ничего вокруг не движется.

Летом, когда я ещё общалась с Юлей, мы решили снять фильм о нашем городе. У Юли есть камера – как, впрочем, и многое другое.

До сих пор я про свою Юлю, бывшую лучшую, не рассказывала. Но не потому, что её мало в моей жизни. Очень даже много. Только больше тратить на неё свое время я не стану. Она-то со мной не считается, так почему я должна?

Вот, например, та история с фильмом. Ради нашего кино я даже отпросилась к Юле с ночевой. Предупредила её, что будем работать над планом съемок. Но... Сначала мы сидели на улице в засаде и ждали Кира – соседского парня, в которого Юля влюблена с шести лет, потому что он однажды угостил ее майонезом с хлебом. По Юлиному сценарию, надо было дурниной орать ему в окно: «Кир, Кир!» А когда он выглянет, прятаться за мусорными баками. Кир, кстати, так и не отреагировал.

Дома Юля предложила пить мартини. У меня разболелась голова, и я попросила поесть.

– Еды нет! – сказала Юля. Кажется, ей лень идти к холодильнику, а сама я не решилась.

Про наш фильм я уж и не заикалась – и так видно, насколько бесполезно об этом напоминать. Зато мы смотрели кино про пришельцев, фильм про бодимодификации и передачу «Топ-модель по-американски». Писали левые сообщения знакомым. Полтретьего ночи позвонили моему (на тот

момент уже бывшему) парню Антону и долго-долго слушали его нудные рассказы про компьютеры.

Наконец я взмолилась:

– Юля, спать хочу!

То, что Юля отвечает, кажется мне шуткой. Она говорит:

– Зачем? Спать скучно!

Самое страшное, что она не шутила. И вот мы опять смотрим кино, лазим в Инете и звоним каким-то людям. В глазах песок, голова гудит, руки не слушаются. Ощущая себя в другом измерении, глянула на циферблат: четыре часа утра! Я так поздно даже на Новый год не ложусь.

– Четыре? А, ну уже вообще нет смысла дрыхнуть! Давай ногти красить!

Домой я приползла чуть живая и потом отъедалась и отсыпалась.

Ну, а совсем разочаровалась я после дня рождения ее мамы. Юлина мама работает сразу в двух фирмах топ-менеджером. Поэтому у них все есть и этого всего очень мно-

го. Однако Юля все время одна. Юлина мама приезжает с работы, привозит вкусненькое. Старается, как ни устала, общаться с дочерью, сделать ей что-то хорошее, в ресторан свозить... А дочь? Даже ничего не подарила своей маме на день рождения! Что там – подарила: торт с балкона, и тот не принесла. Хотя мама при мне просила её три раза.

В итоге я сама помогла – ну, нервы не выдержали. Вот после случая с тортом я окончательно и расхотела общаться со своей «лучшей».

Глава 9

Маму я застала во дворе нашего дома за таким делом, которое даже от мамы не ожидала. Она стояла на табурете и меланхолично отмывала кованую решетку окна нижних соседей. Если прибавить, что мы с соседями не ладим из-за того, что иногда их подтапливаем, картина выглядела не то что дикой – абстрактной.

– Мам, ты чего?

– Они злятся. Говорят, голуби всё испачкали.

Теперь понятно. К нам на подоконник прилетают обедать (завтракать и ужинать) голуби. Мама их различает, дала име-

на. Есть Какао и его жена Мраморная башка. Прилетал одинокий голубь Рентген, антрацитово-серый, с белесыми размывами на кончиках крыльев. Недавно познакомил нас со своей молодой изящной супругой. Голуби никогда не меняют пару, хранят верность всю жизнь. А еще у этих птиц строгая иерархия – молодым не дают есть те, кто старше, бьют и прогоняют. И то ласковое «гуль-гуль», что мы слышим из-под крыш, вполне может быть звуковым оформлением жестокой драки. Маме все это очень интересно. А о страданиях соседей она как-то не задумывалась.

И вот соседи возмутились, решетку велели вымыть, а голубей больше не кормить.

– Все равно кормить буду, – бурчит мама. – Обыватели! Зато я рассказ хороший написала.

– Про голубей?

– Нет, про поселок.

Вот те на! А я думала, у нее уже прошло. Мы даже договорились с Борькой не напоминать – нам сейчас и Калининграда хватает...

– Неси табурет домой. Я уже всё. Сейчас рассказ читать

буду!

– Есть хочу!

– Что за люди! Одним голуби мешают, другим муки голода жить не дают... Иди, там цыпленок с тимьяном в духовке.

Вы не поверите: когда мама разделяет на кухонном столе какую-нибудь очередную уточку или курочку, голуби, столпившись на подоконнике и жадно вытянув шеи, наблюдают сквозь стекло за процессом. Прямо студенты-медики в анатомичке. Сначала мама стеснялась птиц, потом махнула рукой:

– Уж таков наш безумный мир!

Но все же, открыв форточку, торжественно пообещала голубей без крайней нужды не есть.

Внезапно вернулся папа, и они с мамой умчались заполнять какие-то там анкеты на выезд, которые в одиночку не заполняются. А потом домой приплёлся из школы Борька в весьма дурном настроении.

Когда я ему сделала замечание, вякнул:

– Что, дура, депрессию подняла?

Тут же получил за неуважение к старшим «сушняка» в плечо.

Включил все телевизоры, комп, магнитолау, микроволновку, лампы по всей квартире и вообще всё, что только можно, и стал проводить опыт. Пospорил с одноклассником. Тот хвастался, что живет в новом доме и там надежная электропроводка. И дразнил Борьку, что в нашем «сарайчике» чуть что, и пробки вылетают. Братец решил доказать, что дом у нас хороший.

Пробки вылетели. Мы сидели в сумерках, а Борька продолжал заунывно гундеть:

– Все равно. И дом хороший. И район. И город. И республика...

Ну, не хочет уезжать человек. А я, даже если мне что-то здесь нравится, стараюсь найти в этом и негатив. Я не буду мучиться от тоски в далеком Калининграде! Пусть уж лучше здесь будет плохо и еще хуже – мне это только на руку. И если этот придурок выбрал себе подружку – очередного

«сантехника» в розовой куртке «Адидас» и с рэпчиком в наушниках – то так ему и надо!!!

Кстати, если когда-нибудь его встречу, надо сделать такое сочувственное лицо и сказать: «Ну, вот, видишь – даже ты, и то хоть кому-то пригодился».

Братец утверждает, что знает, где надо что повернуть, и свет в квартире загорится вновь. Но я запрещаю ему подходить к счетчику – боюсь пожара.

Главное, и родителям не позвонишь: единицы кончились. Ладно, дождемся. Хотя Боре не завидую...

– А давай песни петь! – предлагает он.

И вот мы уже поем-поем, и про «две собаки под окном», и «моя любовь на пятом этаже», и даже гимн республики на казахском... Начинает лупить чем-то железным по батареям злобная соседка снизу.

– Что это?! – вздрагивает братик.

– Баба Валя бесится.

– Не-ет, на кухне...

– Что... что на кухне? – я перехожу на шепот, так как, кажется, понимаю...

– Две-ерца от буфета...

Я подскакиваю на диване и визжу от страха.

Довольный кабан Боря потирает шkodливые копытца.

Глава 10

Всё-таки идею съёмок фильма о городе жаль. Ещё сильней жаль, что у меня нет нормальной камеры – давно бы сняла сама. Зато есть Интернет! Пишу: «Кто с камерой? Давайте сделаем киношку о городе». Игнорю Юлю, сообщившую «заборчиком»: «КаМеРаЕзТЬ!»

Неожиданно объявляется Виктор. Тот самый, друг этого... Предлагает помощь. Точно, как же я о нём не вспомнила, он и на репетиционку с камерой однажды приходил. К тому же, с Виктором будет весело.

Договорились на ближайшее воскресенье. Только что Виктор хочет снимать?

Оказалось, ничего. Виктор болеет.

«Да ты заходи за камерой. Я не заразный, только разговаривать не могу», – пишет.

По крайней мере, этот человек понимает, что гостей нужно кормить. Я пришла к Виктору сразу после школы, и теперь сижу у него на кухне. А он греет мне суп в завывающей, как буран в степи, микроволновке.

Уютно. Виктор молчит, потому что у него ангина. А я молчу, потому что он молчит.

– Да, а я-то чего молчу? В общем, у меня шесть объектов: квартира, подъезд, двор, квартал, ну, и пара улиц в городе.

Виктор ставит передо мной тарелку с горячим супом и выразительно стучит костяшками пальцев по своему лбу. Потом, чтобы я уж наверняка поняла, крутит пальцем у виска.

– Почему это?!

Крутит кистью руки, показывает – мол, наворачивай быст-

рее, ложку бери, хлеб.

Шепелявит кое-как:

– Ешь. Потом поговорим.

Совершенно невпопад приходит мысль: «А язык он уже зарастил?»

– Ты язык зарастил?

Ну, зачем я только спросила!

Открыл свою пасть, а там...

– А-а-а!

Локтем попадаю в горячий суп.

– Убери, уйди сейчас же! Ну, ты и придурок!

Довольно ухмыляется, сипит:

– Что, страхово тебе?

– Это как: принцип двуязычия в действии?

– Это сплит.

– Раздвоенный на кончике язык... Гадость. И – это же больно. Как ты мог? А ангина?

Он кивает:

– И ангина – тоже.

Молчу. Даже есть расхотелось. Вытираю локоть. Перевожу разговор:

– Так что ты пальцем там у виска крутил? Чем тебе мой план не нравится, а?

Многозначительно качает головой. Убрал тарелку. Теперь идем в комнату к ещё одному источнику жужжания-завывания, – компьютеру.

Набрал в поисковике Яндекс «Панорамы», еще пару щелчков, и вот на весь монитор – улицы нашего города! Ходишь, куда хочешь. Надо оглядеться – крутишь картинку «мышью».

О, а вот и он – мой квартал! Красная «Субару» Тими-

ной мамы – это того японистого шкета, дружка моего бро, помните? Интере-есно, что это тетя Гульжазира тут забыла? Может, к бывшим соседям заехала?

Виктор опять стучит пальцем по башке и пишет что-то карандашиком на валяющемся рекламном проспекте.

«Динозавр ты!!!» – читаю.

– Может, и динозавр, но вот панорамы моей квартиры здесь точно нет!

Пишет: «Снимем – будет!»

– Братюня, так нельзя, плохо!

Теперь стучит по клавиатуре, текст набирает:

«А мы Васька сняли, когда он душ принимал. В «YouTube» выложили».

– Ка-а-ак?

«В стене дырка была».

Настала моя очередь молчать. Может, на всякий случай

уже перестать мыться? Ужас какой.

– Ладно, пошла я. Камеру быстро давай, понял? И выздоравливай.

Посмотрела на него с сомнением, добавила:

– Хотя ты вряд ли выздоровеешь совсем. Лечиться и еще раз лечиться... Кстати, горло как врачу показываешь? Язык за щеку убираешь?

Виктор очень весело улыбается, аж лучится весь. Теперь понятно, кто распугивает ухогорлоносов в районной поликлинике.

И он опять что-то пишет.

«Услуга за услугу»

– Чё надо тебе?

«Открой свой профиль «ВКонтакте»»

– Открыла. Дальше?

– А кто это у тебя, познакомь, а? – ради такого дела он

опять разговаривать начал. Почти членораздельно.

– Офигел, что ли? Это ж Светка!

Недоуменно разводит лапками своими. Типа «а чего «офигел»-то?»

– Понимаешь... Это – Светка. Это страшно. Это намного хуже, чем твой язык, твоя ангина и еще – ураган «Катрина» в Новом Орлеане, не имеющий к тебе никакого отношения, но, тем не менее, тоже ужасающий.

Виктор весь внимание. Даже глаза загорелись.

– Виктор, вся Светина жизнь – борьба. И заметь: борьба – с такими, как ты.

А в самом деле, жалко мне, что ли? Возьму да и познакомлю. Хотя, жалко, конечно. Балбеса Виктора жалко. Добрый все-таки он.

Глава 11

Возвращаясь со спаррингов, мой братец Боря с остервенением рисует котят у себя в альбоме. Пар выпускает.

Возвращаясь после собрания «нужных бумажек», папа уединяется на кухне и очень основательно изображает в рабочем ежедневнике сначала всех «битлов» – Леннона и Маккартни анфас, остальных – в профиль, потом танки, напоследок мелкое зверье. Иногда и до котят доходит.

Они похожи, мужчины нашего дома. Оба стремительные, ответственные и заботливые. А вот мы с мамой совсем разные. Мама моя вообще ни на кого не похожа. И я тоже хочу быть совершенно особенной.

Мама веселится:

– Танечка, чтоб ты знала: подобные амбиции питает еще около двух миллиардов землян. Тебе надо?

– А как тогда, чтобы со стенами не сливаться?

– Вот ты здесь и сейчас. Именно ты – и именно на этом месте. Этим и особенна. Но остальным и это неважно, уж поверь. А особенной станешь, только если перестанешь забивать голову своей «особенностью» и будешь полезна обществу. По-настоящему полезна. А это огромная редкость в наши дни. Я вот так и не поняла, какая от меня польза кому-то, кроме вас. Поэтому и стараюсь для семьи – и то уже

хорошо. Ну, а обществу на меня плевать. Главное, чтобы не безобразничала.

– Всё равно ты особенная.

– Это потому, что я твоя мама. А так – меня все время с кем-то путают на улице. Знакомые не узнают. Я даже не обижаюсь, привыкла.

Хорошо маме, у неё иммунитет. А у меня ещё не выработался. Но, благодаря моей бывшей подруге Юляшке, скоро он возрастет до двухсот процентов!

Юля мне только пишет, а не звонила уже давно. Зачем ей живое общение? Она нашла себе таких же педовочных подруг и, судя по всему, содержательно проводит с ними время – безбожно красится, курит в разных «заброшках» и нарывается на недетские приключения. И на здоровье. Только вот маму её жалко. Однако чудо свершилось: сегодня Юля мне позвонила!

Но вот что она спросила...

– Слушай, а как того парня звали, который еще паркурщик?

– В смысле, трейсер?

– Ну.

– Антон?

– А, точно. А то мы его тут увидели. Ну, спасибо, чмаффки-лавки.

Поясню, если кто не понял: тот парень, «который еще паркурщик» вообще-то, мой первый парень Антон, и ещё даже года не прошло, как я с Юлей делилась, что у нас, да как, переживала, рассказывала. Причем, сами понимаете, постоянно рассказывала. И переживала тоже – ПОСТОЯННО, месяца или два – ну, пока встречались. И потом ещё месяца четыре, когда он меня уже бросил. А ещё мы ему звонили и писали. Она что, ничего не запомнила? Так КОМУ я всё это рассказывала, и, главное, ЗАЧЕМ?!!

«Паркурщик...» Кошмар. Как я вообще могла с ней дружить, ответьте мне, а?

Сама виновата. Видно же было с самого начала. Вот, например, подозрительный сигнал: Юля никогда не расстраивается. Вообще никогда. Однажды она рассказывала мне, почему они живут без отца. Со смехом передавала слова своей

мамы, что папа, наверное, давно спился и умер на какой-нибудь помойке. Вот ухочешься, да?

Была раньше у меня идея спасти Юлю, направить на путь истинный. Только ей этого не надо. Ну, пусть так. Больше свои силы я на неё не трачу.

Светка – и та лучше. По крайней мере, не идиотка. Хотя и груба, как фельдфебель.

Глава 12

Папа, увидев Викторovu камеру, вцепился в меня мертвой хваткой. Объяснил, что мир полон злодеев, только и мечтающих отнять дорогую – и к тому же – чужую! – камеру у маленькой девочки.

– Папа, мне шестнадцать скоро!

– Нет, не «скоро». Через семь месяцев!

– Папа, я осторожно!

– Только со мной! Или – никак.

Я вам еще на рассказывала, что папа не считает возможным допустить, чтобы утром в школу я шла сама? Он меня возит! Ещё он любит, встречая меня с уроков, весело закричать на весь школьный двор:

– А где тут моя пушистая кисонька едва перебирает лапками от голода?

А одноклассники и мелкаяшколота вокруг не дремлют, всем очень весело.

Теперь же, благодаря папиной бдительности, такое хорошее дело, как съемка актуальных мест в городе, превратится для меня в позорный детсад.

– Кисочка, только сначала мы поснимаем места моего детства, хорошо?

Еще лучше. И надо было камеру брать? У меня отняли мое приключение...

Но отказаться папа не даст. Молча и сутулясь лезу в машину. Сейчас включится магнитола и меня будут мучить Высоцким. Это называется «развивать ребенка».

Папа, однообразный голос его кумира, пахнувшая бензи-

ном машина, район бывшего старого автовокзала... И что, я этого хотела, да? В Калининграде не дам так с собой обращаться.

Папа долго искал место для парковки.

– А ведь раньше это была тихая улочка, везде цветы...

Поверить сложно. Толпы хмурых людей, одетых преимущественно в черное, кучи мусора, лотки со сморщенными чебуреками, запах горелого жира.

– Вон, видишь дерево? Я себе там шалаш наверху делал. Прoshлый раз смотрел – еще гвозди оставались и пара досок.

А из-за огромного строительного забора чуть выглядывает крыша того дома, где рос папа. Домик маленький, бревенчатый, с печкой. Пока были живы папины родственники, мы в нем бывали. Уютный милый мир, где у папы с каждой щелочкой в полу и трещинкой на стене что-нибудь, да связано. Домик купили папины предки в 1914 году. А пару лет назад его продали, и теперь тут будет «гостиница», и во дворе уже почти достроены унылые бараки для неприятных приезжих. И все вокруг густо заплевано.

Но сейчас папа в своих любимых семидесятих...

– К нам приблудилась очень умная дворняжка. Она промышляла вон там. Видишь, в конце улицы, где был арык? Приезжие с автовокзала иногда приходили сюда, садились, опустив ноги в прохладную воду, ставили на травку бутылку вина и выкладывали на газету колбаску какую-нибудь, или пирожки. Собака сидела в засаде, терпеливо ждала, когда люди разуются, выложат закуску и – как молния, неслась за добычей. Р-раз! И нет колбаски. Босиком эту нахальную псину ловить невозможно, а пока обуеешься, она уже далеко.

Я еще раз оглядываюсь: ни-че-го-шень-ки... Всего лишь кособокие домишки, много техники и грязный асфальт. А у папы на лице такое написано. И радость, и горе. Это «ничегошеньки» он ведь тоже видит. И где тот беленький мальчик, что мечтал о будущем, сидя в шалаше на дереве?

Трогаю за рукав:

– Пап, пойдем отсюда. Давай не будем снимать. Тут страшно, злые все какие-то. Я тебе потом твою улицу в «Панорамах» покажу, ладно?

Место, где раньше был старый автовокзал, он смотреть не

хочет. Все снесли, и там теперь так же грязно, и какой-то очередной базар.

– Башня-то с часами кому мешала? – горестно бормочет папа, не замечая, что я его слышу.

Потом мы едем к его родному кинотеатру, ныне также снесенному. Вместо добротного здания в центре города – озелененный пустырь, посреди красуется «малая скульптурная форма» – пластиковый раскрашенный горный козел. Не его же снимать?

По пути папа рассказывает мне всякие истории из своего детства. И, в который раз, качает головой: ничего не осталось, вот будто нарочно...

– Пап, ты не расстраивайся! А хочешь в Центральный парк?

И только в старом парке папа успокаивается, и даже вспоминает, как однажды взрослый мальчишка хитростью увел у него здесь велосипед. Но и об этом говорить ему, вижу, приятно. Мы долго и подробно снимаем старые деревья, и скульптуру писателя Горького, и кинотеатр «Родина», и металлического барса с натертыми до блеска боками, на котором не сфотографировался в нашем городе только парали-

тик. Еще – старую эстраду и площадку для коллекционеров. Снимаем весь парк сверху, с колеса обозрения. Вот папа уже и веселый, улыбается:

– Надо нам сюда потом всем вместе сходить!

«Всем вместе» – это еще один бзик моего папы. Хотя и напоминает порядки в Северной Корее. Но все равно, иногда так приятно бывает погулять и подурачиться с папой-Борькой-мамой. И еще – мне совсем не по себе, когда папа грустный. Пусть уж лучше будет сверхзаботливым и энергичным, как всегда.

Обратно мы едем под «Роллингов» – тут у нас вкусы совпадают.

Часть вторая

Глава 13

– Мам, я на Медео завтра хочу, можно?

– А-а...

– Мам, ты меня слышишь?

– Дочка, что?

– Мама, я замуж выхожу!

– Хорошо, кисонька. Не отвлекай, ладно?

– Мам, война началась!

– А... Что, какая война?

– Великая Отечественная. В 1941 году! Ты почему не слушаешь?!

Хотя, могла бы и не спрашивать. Сама виновата. И надо мне было маму с «Панорамами» знакомить! Она теперь день-деньской «бродит» по улицам Калининграда, и я не удивлюсь, если её призрак там видели – настолько человек с головой ушел в новую тему.

Когда мама не за компом, она все равно отсутствует. И говорить может только о предмете своей страсти. В нашей квартире раздаются незнакомые слова: Кнайпхоф, Амалиенау, Марауненхоф, Хуфен и тому подобное. Так назывались когда-то районы Кенигсберга, нынешнего Калининграда. В общем, мама исследует новую вселенную, причем основа-

тельно. Наивно полагает, что мы разделим её азарт.

А мы не разделяем. Вот переедем туда, тогда. А сейчас у нас тут дела, друзья, любовь...

Кажется, никто не в состоянии выдернуть маму из компьютерного плена. Но нет – и на неё находится управа!

Пришла подмога, откуда не ждали.

Ни звонка, ни телеграммы... И вдруг к нам в дверь кто-то вкрадчиво так царапается. Дело вечером, поэтому папа идет открывать сам. А на пороге – Вера Андреевна! Легендарная наша с Борькой бабушка, мамина мама. Которая никогда к нам в гости не ездит. Мы все сбегаясь на нее смотреть. Чудо. Это просто чудо!

Ей много лет, все лицо в мелких морщинках, но она такая красивая! Белозубая улыбка делает ее похожей на итальянскую актрису. Зубы у бабушки свои. И цвет глаз – тоже. Он прозрачно-зеленый, слегка выцветший. А вот волосы Вера Андреевна красит в темно-каштановый, что замечательно оттеняет загорелую кожу и веселые веснушки. У неё широкие скулы, изящный носик и длинная шея. И сама бабушка высокая. А вот одета наша нежданная гостя в какой-то балахон и тяжелые сапоги. Мама говорит, что еёгеологическое

мамо терпеть не может наряжаться – и это сразу заметно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.